



# The main forms of non-participation in political communication of Russian students

P. A. Babajanyan<sup>1</sup>

<sup>1</sup>P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2025-4-320-329

Research article  
Full text in Russian

The paper analyzes the phenomenon of student non-participation, conceptualizing it as a complex, multidimensional strategy, and not just an indicator of apathy or alienation. The relevance of the study is related to the fact that the unprecedented availability of political communication channels has not led to a proportional increase in sustainable youth participation, which requires a revision of traditional approaches to the study of political behavior.

The results of a comprehensive study conducted using online questionnaires (a sample of 709 respondents), expert interviews (22 experts from various fields) and focus groups (8, 73 participants in total) are presented. As a result of the analysis, it was possible to identify and operationalize three dominant forms of non-participation: situational non-participation (avoidance) as the most common rational adaptation to information overload; passive non-participation (avoidance), rooted in weak political socialization and a sense of the irrelevance of politics; and active non-participation (absenteeism) as a consciously latent form of protest. Based on the results obtained, a transition from universal approaches to targeted proposals aimed at involving young people in the participation strategy is proposed. The recommendations include the creation of flexible participation formats for situational non—participants; to overcome passive non—participation, profound changes in the channels of political socialization in the university environment; for dialogue with active non-participants, the willingness of political institutions to transform and the creation of channels for constructive criticism.

**Keywords:** political communication; student youth; non-participation; participation; strategy; forms of non-participation; engagement

## INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Babajanyan, Papik A. | E-mail: [babajanyanpapik@yandex.ru](mailto:babajanyanpapik@yandex.ru)

**For citation:** Babajanyan P. A. The main forms of non-participation in political communication of Russian students // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2025. Vol. 11, No. 4. P. 320-329. (in Russ.)



# Основные формы неучастия в политической коммуникации российской студенческой молодежи

П. А. Бабаджанян<sup>1</sup>

<sup>1</sup>Ярославский государственный университет им П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2025-4-320-329  
УДК 32.019.5

Научная статья  
Полный текст на русском языке

В статье осуществляется анализ феномена неучастия студенческой молодежи, который концептуализируется как сложная, многомерная стратегия, а не просто индикатор апатии или отчуждения. Актуальность исследования связана с тем, что беспрецедентная доступность каналов политической коммуникации не привела к пропорциональному росту устойчивого участия молодежи, что требует пересмотра традиционных подходов к изучению политического поведения.

Представлены результаты комплексного исследования, проведенного методами онлайн-анкетирования (выборка 709 респондентов), экспертных интервью (22 эксперта из различных областей) и фокус-групп (8, всего 73 участника). В результате анализа удалось выявить и операционализировать три доминирующие формы неучастия: ситуативное неучастие (избегание) как наиболее распространенная рациональная адаптация к информационной перегруженности; пассивное неучастие (уклонение), укорененное в слабой политической социализации и ощущении нерелевантности политики; и активное неучастие (абсентеизм) как осознанно-латентная форма протеста.

На основе полученных результатов предлагается переход от универсальных подходов к адресным предложениям, направленным на вовлечение молодежи в стратегию участия. Рекомендации включают создание для ситуативных неучастников гибких форматов участия; для преодоления пассивного неучастия – глубинные изменения каналов политической социализации в университетской среде; для диалога с активными неучастниками – готовность политических институтов к трансформации и создание каналов для конструктивной критики.

**Ключевые слова:** политическая коммуникация; студенческая молодежь; неучастие; участие; стратегия; формы неучастия; вовлечение

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабаджанян, Папик Артурович | E-mail: [babajanyanpapik@yandex.ru](mailto:babajanyanpapik@yandex.ru)  
Ассистент кафедры социально-политических теорий

**Для цитирования:** Бабаджанян П. А. Основные формы неучастия в политической коммуникации российской студенческой молодежи // Социальные и гуманитарные знания. 2025. Том 11, № 4. С. 320-329.

## Введение

Политическая коммуникация, понимаемая как процесс обмена информацией, трансляции смыслов между акторами политического пространства, является фундаментальным элементом функционирования современных обществ. В условиях цифровой трансформации, когда границы между публичной и приватной сферами размы-

© ЯРГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ваются, а информационные потоки становятся перманентными, роль коммуникации в политической социализации индивида многократно возрастает. Особый интерес в этом контексте представляет студенческая молодежь – группа, находящаяся в критической фазе формирования гражданской идентичности, обладающая высоким образовательным потенциалом, но демонстрирующая неоднозначные паттерны политической коммуникации [1].

Парадокс современной ситуации заключается в том, что беспрецедентная доступность каналов политической коммуникации не привела к пропорциональному росту устойчивого участия молодежи. Напротив, наряду с видимыми формами активизма, широкое распространение получают разнообразные практики неучастия. Традиционно рассматривавшееся как индикатор апатии или отчуждения, неучастие в современной политологической литературе все чаще интерпретируется как сложный, многогранный феномен, требующий диагностики [2]. Цель данного исследования – выявить и концептуализировать формы неучастия в политической коммуникации среди студенческой молодежи, опираясь на комплексный методологический дизайн. Эта диспропорция между доступностью каналов и уровнем устойчивой вовлеченности указывает на наличие сложных социальных, культурных и институциональных барьеров, которые не всегда очевидны при поверхностном анализе.

Новые форматы коммуникации – платформенные экосистемы, микроблогинг, мессенджеры и визуальные сервисы – радикально изменили характер политического взаимодействия, создав как возможности для мобилизации, так и условия для фрагментации публичной сферы. Алгоритмическая организация информационных лент способствует повышению адресности сообщений, но одновременно усиливает эффект эхо-камер и подтверждающего отбора, что может снижать готовность студентов к междискурсивному диалогу [3]. Параллельно процессы цифровизации способствуют появлению новых форм политического выражения – от мемов и флеш-мобов до цифровых петиций и краудкампейнов, – которые не всегда вписываются в традиционные критерии политического участия [4]. В результате необходимо пересмотреть методологические ориентиры, используемые для измерения политической активности молодежи, и учитывать многообразие форм, которые могут носить низкую институциональную видимость, но высокую символическую значимость. Исходя из этого, феномен неучастия следует анализировать не как однородную категорию, а как стратегию коммуникации, которая может иметь различные мотивационные корни и разные последствия для политической системы.

Политологическое значение исследования заключается в том, что масштабное и устойчивое неучастие молодежи может подрывать репрезентативность и инновативный потенциал политических институтов. В то же время понимание мотивов и форм неучастия открывает возможности трансформации протестного потенциала в продуктивные формы взаимодействия, если институты сумеют выстроить диалог на адекватных условиях. Настоящее исследование адресует этот вызов, стремясь не просто описать феномен, но и предложить эмпирически обоснованные пути его трансформации.

### **Теоретическая рамка**

Для полноты анализа феномена политического неучастия необходимо соединение макро- и микроуровневых объяснительных моделей, образующих теоретический фундамент исследования [5]. Исходной точкой выступает нормативный идеал deliberативной демократии Юргена Хабермаса, где легитимность власти рождается в процессе инклюзивного публичного дискурса [6]. Однако эмпирическая реаль-

ность часто демонстрирует, что низкое институциональное доверие подрывает саму возможность такого дискурса, ведя к дистанцированию граждан. Нормативный характер этой теории, как показывает её критика, ограничивает её объяснительный потенциал, поскольку она не учитывает структурные неравенства, систематически исключающие определенные группы из полноценного участия [7].

Восполняет этот пробел концепция политических культур Г. Алмонда и С. Вербы [8], смещающая фокус на индивидуальные возможности акторов. Согласно этому подходу, политическое участие/неучастие обусловлено доступом к ключевым ресурсам – времени, материальным средствам и, что особенно важно, гражданским навыкам. Для студенческой молодежи, находящейся в процессе формирования ресурсной базы, эта теория приобретает особую релевантность. Объективные ограничения, такие как необходимость совмещения учебы с работой и материальная нестабильность, создают структурный барьер, который не преодолевается одним лишь институциональным доверием [9]. Именно в этом контексте традиционное понятие абсентеизма, изучавшееся преимущественно как неявка на выборы, обнаруживает свою ограниченность. Оно редуцирует сложный поведенческий континуум до единичного акта, не учитывая повседневные практики уклонения от политической коммуникации в цифровой и офлайн-среде [10]. Именно поэтому в данном исследовании используется более широкая категория «неучастия», охватывающая весь спектр стратегий – от пассивного игнорирования до активного бойкота политических дискуссий, информационных потоков и иных форм взаимодействия с политическим полем.

С точки зрения теории рационального выбора, студенты могут избирать стратегию неучастия как результат своеобразного рентабельного анализа [11]. В условиях ограниченных временных и когнитивных ресурсов они взвешивают предполагаемые издержки участия (затраты времени, психологическое напряжение, риск конфликтов) против потенциальных выгод (ощущение влияния, решение значимых проблем). Когда перевес оказывается на стороне издержек, неучастие предстает как рациональная коммуникационная стратегия, позволяющая оптимизировать личные ресурсы. Однако эта рациональность является ограниченной, так как формируется в рамках конкретного социального контекста и существующих информационных фильтров [12].

Процесс же накопления этих ресурсов и формирования готовности их использовать, а также самих критериев для принятия решений опосредуется теорией политической социализации [13]. Университет в этой перспективе предстает как ключевой агент социализации, выполняющий амбивалентную функцию. С одной стороны, он потенциально способен прививать критическую медиаграмотность и чувствуюмую эффективность, а с другой – может воспроизводить унаследованные через семью и медиа культурные нарративы, представляющие политику как коррумпированную и недоступную сферу [14]. Именно на этом уровне психологические факторы, такие как тревожность и страх негативной оценки, кристаллизуются в устойчивые практики самоисключения, закрепляя разрыв между формальным наличием ресурсов и фактической готовностью к участию, тем самым делая стратегию неучастия субъективно наиболее рациональной [15].

Таким образом, синтез этих взаимодополняющих перспектив позволяет преодолеть ограничения каждой из них в отдельности и отказаться от узкой трактовки абсентеизма. Институциональный подход объясняет макроконтекст недоверия, концепция политических культур объясняет структурные ограничения возможностей, теория рационального выбора – логику индивидуального поведенческого выбора, а теория политической социализации – механизмы интернализации политических ориентаций и формирования самих критериев этой рациональности.

Исходя из всего вышесказанного, ключевой составляющей данного исследования является концепция неучастия как стратегия политической коммуникации. В отличие от классических трактовок абсентеизма, восходящих к теории массового общества, мы рассматриваем неучастие не как симптом социальной дезинтеграции, а как осмысленную стратегию, избираемую индивидом в ответ на воспринимаемые условия политической среды [16]. В данной работе мы выделяем и операционализируем три формы данной стратегии:

**1. Пассивное неучастие (уклонение):** характеризуется тотальной и устойчивой аполитичностью, вызванной ощущением полной отстраненности от политики. Мотивация основана на индифферентности и убежденности в невозможности личного влияния. Это фоновое состояние, часто обусловленное слабой политической социализацией и приоритизацией «прагматического индивидуализма».

**2. Ситуативное неучастие (избегание):** форма, отличающаяся флуктуирующим, контекстуально зависимым характером. Готовность к коммуникации активируется под влиянием внешних (значимые события, актуальность темы) и внутренних факторов (эмоциональное состояние, когнитивная нагрузка). Это адаптационный механизм в условиях конкуренции за ограниченные ресурсы внимания.

**3. Активное неучастие (абсентеизм):** осознанная, рефлексивная и идеологически обоснованная форма нетрадиционного протеста. Отказ от участия является не уходом из политики, а специфической коммуникативной практикой, нацеленной на дискредитацию системы, воспринимаемой как нелегитимная или неэффективная.

Таким образом, синтезированная теоретическая рамка, объединяющая институциональный подход, концепцию политических культур и теории рационального выбора и политической социализации, позволяет переосмыслить политическое неучастие студенческой молодежи не как монолитный феномен, а как спектр осмысленных коммуникативных стратегий. Выделение трех форм неучастия – пассивного, ситуативного и активного – задает концептуальную основу для эмпирической верификации. Эта типология не только систематизирует наблюдаемые формы, но и выдвигает на первый план ключевой исследовательский вопрос: каким образом конкретные конфигурации институционального недоверия, дефицита ресурсов и результатов социализации обуславливают доминирование той или иной стратегии (участия/неучастия) в коммуникационных паттернах студентов.

### Методика исследования

Для верификации предложенной типологии и выявления детерминант каждой формы был применен комплексный методологический дизайн, сочетающий количественные и качественные методы, что позволило обеспечить полноту данных и валидность выводов.

**1. Социологический опрос (онлайн-анкетирование).** Основной задачей количественного этапа была операционализация теоретических конструкторов и оценка их распространенности в генеральной совокупности. Выборочная совокупность – 709 человек – была сформирована с учетом квот по федеральным округам, типу вуза и направлению подготовки, что обеспечило ее высокую репрезентативность (доверительный интервал 97 % и погрешность не более 5 %) и позволило экстраполировать результаты на студенческую молодежь России в целом. Разработанная анкета включала блоки вопросов, направленные на:

- измерение частоты и форм политического участия/неучастия;
- оценку уровня институционального и межличностного доверия;
- выявление ценностных ориентаций и мотивационной структуры.

**2. Экспертные интервью – 22 эксперта.** Для углубления интерпретации количественных данных и верификации исследовательских гипотез был проведен ряд полуструктурированных интервью с экспертами: политологами, социологами, психологами, представителями вузовской администрации и лидерами молодежных организаций. Интервью было сфокусировано на анализе барьеров участия, оценке ресурсных ограничений студентов и эффективности существующих механизмов вовлечения. Особое внимание уделялось проблеме согласования организационных ожиданий и студенческих практик, что позволило выявить ключевые диссонансы в коммуникации между администрацией и студенчеством.

**3. Фокус-группы** со студентами, обеспечившие выявление групповой динамики, коллективных представлений, скрытых мотиваций и субъективных смыслов, которые студенты вкладывают в практики неучастия, а также способов их артикуляции. Общее количество проведенных фокус-групп – 8. Выборка проектировалась как стратегифицированная по двум ключевым критериям, выдвинутым в качестве гипотетически значимых факторов, влияющих на политические установки: специализация (профиль образования: гуманитарий и технические специальности) и возраст (до 23 лет и старше 23 лет). Всего приняло участие в фокус-группах 73 респондента.

Для статистического анализа количественных данных, помимо дескриптивной статистики, был использован дисперсионный анализ (ANOVA) для сравнения средних значений между сформированными на основе кластерного анализа группами.

## Результаты исследования

Результаты эмпирического исследования демонстрируют четкую иерархию форм политического неучастия среди студенческой молодежи, где ситуативное неучастие (46,4 %) выступает доминирующей формой, в то время как пассивное (30,7 %) и активное неучастие (22,9 %) распределяются как вторая и третья по распространенности модели поведения соответственно. Такое распределение отражает фундаментальные особенности взаимодействия современного студенчества с политической сферой.

Исходя из результатов опроса, ситуативное неучастие, будучи наиболее распространенной формой, возникает как рациональный ответ на перегруженность коммуникативного пространства и ограниченность личных ресурсов. Студенты, выбирающие эту форму, не испытывают принципиального отторжения политики, но вынуждены постоянно осуществлять селекцию тем и выбор принимать или не принимать участие в условиях жесткой конкуренции за время и внимание. Их дистанцирование носит волнообразный характер – периоды включенности в политическую коммуникацию сменяются этапами почти полного выключения, что определяется актуальностью проблематики, личной загруженностью и эмоциональным состоянием. Эта форма представляет собой своеобразный адаптационный механизм, позволяющий сохранять базовую политическую осведомленность без систематических временных инвестиций. Данные фокус-групп особенно углубили понимание данной формы. Обнаружилось, что ситуативное неучастие часто носит тематический характер: студенты технических специальностей проявляли интерес к вопросам научно-технической политики, тогда как гуманитарии – к проблемам образования и культуры. «Когда появляется тема, связанная с моей будущей профессией, я всегда слежу за обсуждениями», – отметил участник фокус-группы, студент-эколог. Эта избирательность подтверждает адаптивный характер ситуативного неучастия как рациональной формы коммуникации в условиях информационной перегруженности.

Второй по распространенности формой выступает пассивное неучастие, корнящееся в более глубоких социально-психологических процессах. Если ситуативное неучастие сохраняет принципиальную готовность к участию, то пассивное неучастие характеризуется

устойчивой индифферентностью и ощущением тотальной отстраненности от политических процессов. Оно формируется под влиянием длительного воздействия нескольких факторов: слабой политической социализации в семье и образовательной среде, доминирования «прагматического индивидуализма», а также восприятия политики как сферы, радикально отдаленной от повседневных интересов и потребностей.

Студенты, демонстрирующие пассивное неучастие, часто затрудняются с артикулированием своей политической позиции, поскольку политическая коммуникация не является для них значимым элементом идентичности. Отдельно здесь стоит упомянуть, что дисперсионный анализ выявил устойчивую связь этой формы с низким уровнем политической социализации: большинство студентов этой группы указали, что в их семьях не принято обсуждать политические темы. Экспертные интервью дополнили эту картину: «пассивное неучастие часто является следствием не отсутствия информации, а ощущения ее нерелевантности» – цитата эксперта. Фокус-группы показали, что представители этой категории действительно затрудняются с формулированием своей политической позиции, часто используя шаблонные фразы: «политика – это грязное дело» и «от меня ничего не зависит».

Таким образом, пассивное неучастие представляет собой не просто временное состояние, а устойчивый паттерн, сформированный комплексом факторов социализации. Его ключевой характеристикой становится не отсутствие политической информации как таковой, а глубинное ощущение ее нерелевантности для решения повседневных жизненных задач. Эта форма воспроизводится через механизм циклического усиления: изначально слабый интерес к политике приводит к отсутствию практик политической коммуникации, что, в свою очередь, еще больше укрепляет убежденность в невозможности и бессмысленности личного влияния. Преодоление данной формы неучастия требует не просто информирования, а фундаментального переформатирования каналов политической социализации, способных продемонстрировать связь между политическими процессами и личными жизненными траекториями студентов.

Наименее распространенной, но наиболее рефлексивной формой является активное неучастие, представляющее собой осознанный протест против существующей политической системы. В отличие от пассивных неучастников, демонстрирующих безразличие, и ситуативных – оптимизирующих ресурсы, активное неучастие как форма осуществляет целенаправленную коммуникативную стратегию, используя неучастие как инструмент политического давления. Их позиция основана на системном анализе политических институтов и приходит к выводу об их нелегитимности или неэффективности. Парадоксальным образом, активные неучастники иногда обладают высоким уровнем политической компетентности и могут проявлять гражданскую активность в неполитических сферах, что подчеркивает избирательный и принципиальный характер их неучастия. Как показали глубинные интервью, их позиция является результатом целенаправленного анализа: «Я изучил программы всех основных партий и не увидел ни одной, которая представляла бы мои интересы», – заявил один из респондентов. Его [студента] неучастие мотивировано неудовлетворенностью, разочарованием, недоверием к институтам власти, политическим партиям, электоральным процедурам, которые воспринимаются как неэффективные. Активное неучастие является формой, которая призвана продемонстрировать позицию несогласия и оказать символическое давление на систему. Целью такой коммуникации может быть желание спровоцировать кризис легитимности, привлечь внимание к системным проблемам или заявить о необходимости радикальных изменений. Таким образом, это не уход из политики, а специфическая демонстрация неучастия в политической коммуникации с целью повлиять на объект коммуникации или изменить его.

Особый интерес представляют данные о взаимовлиянии различных форм неучастия. Анализ транскриптов фокус-групп показал, что в динамике студенческой среды происхо-

дит постоянное перетекание между категориями: ситуативное неучастие может перерасти в пассивное при длительном сохранении ресурсных ограничений, а пассивное – трансформироваться в активное под влиянием значимых политических событий. Экспертные интервью дополнили эту картину институциональным контекстом. Представители вузовской администрации отмечали, что традиционные форматы политического просвещения часто оказываются неэффективными именно потому, что не учитывают разнообразие мотивационных схем студентов. «Лекции о гражданском долге не работают с теми, кто выбирает неучастие как осознанный путь», – констатировал один из экспертов по воспитательной работе.

Важно отметить, что различие между формами проявляется и в их потенциале трансформации. Ситуативное неучастие обладает наибольшей лабильностью: при изменении внешних обстоятельств или появлении значимых стимулов его носители могут относительно легко переходить к участию. Пассивное неучастие отличается большей устойчивостью, требуя глубинных изменений в процессе политической социализации и формировании гражданской идентичности. Активное неучастие, будучи осознанной позицией, может трансформироваться лишь при фундаментальных изменениях в политической системе или пересмотре идеологических установок.

Такое распределение форм стратегии неучастия в политической коммуникации имеет важные практические следствия для разработки программ политического вовлечения молодежи. Работа с ситуативными неучастниками требует создания гибких, низкопороговых форматов участия, синхронизированных с академическим ритмом и личными приоритетами студентов. Преодоление пассивного неучастия предполагает системную работу по интеграции политической компетентности в образовательный процесс и формированию связей между личными интересами студентов и публичной сферой. Диалог с активными неучастниками, в свою очередь, требует готовности политических институтов к существенным изменениям и созданию каналов для конструктивного выражения протеста.

Таким образом, данная типология форм неучастия отражает не только индивидуальные предпочтения студентов, но и системные характеристики взаимодействия между молодежью и политическими институтами. Понимание этой структуры позволяет перейти от универсальных подходов к адресным интервенциям, учитывающим разнообразие мотивационных схем и барьеров, определяющих политическое поведение студенческой молодежи.

## Выводы

Проведенное исследование позволило достигнуть поставленной цели и концептуализировать формы неучастия в политической коммуникации российской студенческой молодежи как сложный, многомерный феномен, детерминированный совокупностью объективных условий и субъективных восприятий. Эмпирическая верификация предложенной теоретической рамки, соединяющая институциональный подход, концепцию политических культур и политической социализации, а также теорию рационального выбора, определила, что политическое неучастие не является исключительно категорией апатии или отчуждения, а представляет собой спектр осмысленных коммуникативных стратегий, каждая из которых обладает собственной мотивационной структурой и логикой.

Ключевым результатом работы стало выявление и описание трех доминирующих форм неучастия, образующих четкую иерархию в поведенческих паттернах студенчества:

- Ситуативное неучастие (избегание), выступающее наиболее распространенной формой, интерпретируется как рациональный адаптационный механизм в условиях информационной перегруженности и конкуренции за ограниченные когнитивные и времен-

ные ресурсы. Его флуктуирующий и тематически избирательный характер свидетельствует не об отказе от политики как таковой, а о селективном, «волнообразном» режиме включенности, активируемом внешними контекстами и личной релевантностью тем.

- Пассивное неучастие (уклонение) является формой, укорененной в слабую политическую социализацию и доминирование «прагматического индивидуализма», характеризующейся устойчивой индифферентностью и ощущением нерелевантности политической сферы. Эта форма воспроизводится через циклический механизм: изначально слабый интерес ведет к отсутствию практик коммуникации, что, в свою очередь, усиливает убежденность в бессмысленности личного влияния.

- Активное неучастие (абсентеизм), будучи наименее распространенной, но наиболее рефлексивной формой, представляет собой осознанный акт политического протеста. Отказ от участия используется здесь как коммуникативный инструмент для дискредитации системы, воспринимаемой как нелегитимная или неэффективная. Парадоксально, но носители этой формы зачастую обладают высоким уровнем политической компетентности, что подчеркивает ее избирательный и принципиальный характер.

Выявленная типология форм неучастия обладает существенной научной ценностью. Она показывает несовершенство прежних подходов к абсентеизму и подтверждает, что продуктивнее рассматривать неучастие как особую стратегию коммуникации. Объединение макро- (например, уровень доверия к институтам) и микроуровневых (например, личные ресурсы и опыт социализации) теорий помогло избежать упрощенных трактовок. Это позволило продемонстрировать, как именно конкретные сочетания внешних ограничений и личных установок определяют выбор той или иной формы неучастия.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно представляет основу для разработки дифференцированных и адресных интервенций, направленных на трансформацию протестного и индифферентного потенциала в продуктивные формы взаимодействия. Универсальные подходы к политическому просвещению и вовлечению оказываются неэффективными в условиях выявленного разнообразия:

- Для вовлечения ситуативных участников нужны гибкие форматы, согласованные с учебным процессом и личными интересами: тематические хакатоны, краткосрочные проекты или интеграция в учебные курсы.

- Преодоление пассивного неучастия требует глубинной работы по модификации каналов политической социализации – как в семье, так и прежде всего в университетской среде. Ключевым становится формирование гражданской идентичности через демонстрацию прямой связи политических решений с жизненными траекториями студентов.

- Диалог с активными неучастниками возможен лишь при готовности политических институтов к изменениям – трансформации и созданию каналов для конструктивной критики и включению альтернативных позиций в публичную повестку.

Таким образом, неучастие студенческой молодежи предстает не как маргинальная проблема, а как системный вызов, отражающий кризис репрезентативности и коммуникативной эффективности современных политических институтов. Дальнейшие исследования в данной области целесообразно направить на лонгитюдный анализ трансформации стратегий неучастия на протяжении жизненного пути, а также на изучение специфики данного феномена в региональном и кросс-культурном разрезе. Понимание логики неучастия является необходимым условием для обновления языка и форматов политической коммуникации, способных вовлечь новое поколение в процесс коллективного определения собственного будущего.

## Ссылки

1. ВострокнUTOва Т. Ф. Исследование мотивационной структуры личности студентов вуза // Гуманизация образования. 2010. № 6. С. 25-29. EDN NCSLSR
2. 2. Козлов С. Е. Интернет-активизм как форма политического участия в современной России // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 79. С. 154-169. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10053
3. Чилингарян В. В. Конвергенция и мультимедиа, а также их роль как ключевых компонентов развития коммуникации в современном мире // Филологический вестник. 2025. Т. 4, № 4. С. 32-38. EDN BXYKEU
4. 4. Морозова С. С., Будко Д. А., Бабюк И. А. Особенности политической коммуникации в виртуальных сообществах в условиях глобальных вызовов и рисков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19. № 2. С. 230-243. DOI 10.21638/spbu23.2023.206
5. Ионова А. О. Современные подходы к анализу политического дискурса // Политическая наука. 2016. № 3. С. 236-259. EDN XCGBQB
6. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем.; под ред. Д. В. Складнева. СПб: Наука, 2000. 377 с.
7. Белоусова В. М. Делиберативная концепция Ю. Хабермаса в контексте систематизации современных моделей демократии // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2015. Т. 25, № 4. С. 84-92. EDN UHLYDJ
8. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // ПОЛИС. 1992. № 4. С. 130. EDN EQVPND
9. 9. Авакян Р. А. Студенческая молодежь и современные проблемы её социализации в условиях информационного общества // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2024. № 2. С. 41-54. DOI 10.53598/2410-3691-2024-2-339-41-54
10. 10. Соколов А. В., Фролов А. А., Васильева Д. А. Уклонение как форма социального поведения студенчества: причины и потенциал вовлечения // Социальные и гуманитарные знания. 2025. Т. 11, № 2. С. 164-177. DOI 10.18255/2412-6519-2025-2-164-177
11. Шевцов А. В. Российская электоральная социология и теория рационального выбора // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2015. № 3. С. 160-167. EDN UMZZED
12. Позняк К. В. Концепция ограниченной рациональности в поведенческой экономике // Universum: психология и образование. 2020. № 10. С. 14-15. EDN UHJCFB
13. 13. Селезнева А. В. Политическая мораль современной российской молодежи: ценности, представления, установки // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 47-60. DOI 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-4
14. Вартанян Е. В. Институт высшего образования как агент социализации современной российской молодежи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. № 1. С. 77-80. EDN YNKWJB
15. 15. Шашкова Я. Ю., Дерендяева А. Д. Российская молодежь в институциональных трансформациях: детерминанты неучастия // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 145-149. DOI 10.17223/15617793/405/20
16. 16. Уклонение как форма поведения обучающихся вузов / А. В. Соколов, Е. А. Исаева, Е. Д. Гребенко, П. А. Бабаджанян // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2024. Т. 20. № 3. С. 408-423. DOI 10.21638/spbu23.2024.303